

Такаси КУВАНО

Восприятие Бахтина в Японии

Бахтин рано привлек к себе внимание японских ученых, критиков, журналистов. Уже в 1968 году вышел в свет японский перевод *ПнД*, в 1973 году — *Т* и в 1976 году — *МФЯ*. Есть несколько причин такого быстрого восприятия.

Во-первых, в Японии русская литература вообще читается широко, и Достоевский в особенности пользовался большой симпатией. В 1960—1970 годах Достоевский еще был главным предметом исследования многих специалистов по русской литературе. Они проявляли большой интерес и к исследованиям в других странах, в том числе, конечно, в СССР, и у некоторых из них были сведения о существовании работы *ПнД*, хотя им не представилось случая прочесть ее. Опубликование *ПнД* в 1963 году в СССР немедленно вызвало интерес у нескольких ученых, в том числе Арая Кэйдзабуро, который стал переводчиком этой книги. Этот перевод оказал большое воздействие как на специалистов по русской литературе, так и на критиков и писателей. Появление этого перевода вместе с возрастающим интересом к русскому формализму стало поворотным пунктом в исследовании русской литературы, особенно Достоевского, дав средства для преодоления того метода, который непосредственно связывает литературу с жизнью или идеологией данного писателя.

Во-вторых, приблизительно с 1970 года такие понятия, как «смех», «шут», «карнавал», начали проникать в область идей и культуры, где доминировали «серьезные» идеи — такие, как марксизм, экзистенциализм и др. В этом изменении немалую роль сыграл антрополог Ямагути Масао. Его эпохальная серия статей «Фольклор шута» (1969), где часто цитируются места из вышеуказанного перевода *ПнД* и английского перевода *Т*, показала возможность широкого применения бахтинской теории

карнавала к культуре вообще *. Другие труды Ямагути о шуте, смехе, карнавале, опубликованные после этой серии, также способствовали распространению бахтинской теории карнавала, что оказало влияние и на специалистов по русской литературе и искусству. Так, бахтинская теория карнавала помогла заново осмыслить русский авангардизм. Показательно, что в 1973 году «Кружок изучения русского авангардизма» начал свою деятельность с доклада о японском переводе *Т*.

В-третьих, Кувано Такаси, который пытался описать новую историю речевых теорий в России, включающих поэтику и семиотику, случайно открыл *МФЯ* Волошинова в библиотеке одного университета в 1970 году. Изумившись оригинальности и уникальности этой книги, Кувано начал переводить ее и представлять «науку о знаках как науку об идеологиях» в качестве критики семиотики, начавшей распространяться в области идей и культуры Японии. Кстати, в это время Кувано не имел точных сведений об отношениях Волошинова с Бахтиным.

Вообще, в 1970-х годах о Бахтине писали главным образом те, кто перевел его книги, за исключением антропологов, таких, как Ямагути, и критиков, интересовавшихся французскими мыслителями, особенно Ю. Кристевой.

В таких условиях знаменательно, что в 1975 году литературный кружок студентов и аспирантов посвятил свой журнал «Хаймато» памяти Бахтина и поместил некролог, переводы работ «Ответ на вопрос редакции “Нового мира”» и «Рабле и Гоголь», а также список трудов Бахтина **. Как показывает и этот случай, Бахтин оказал большое воздействие преимущественно на молодое поколение.

В 1979 году началось опубликование «Избранных трудов Бахтина в восьми томах» в переводе. В них, с одной стороны, не включены две вышеуказанные книги, вышедших под именем Бахтина, а с другой стороны, включены *МФЯ* под названием «Семиотика языка и культуры», *Ф*, «Слово в жизни и слово в поэзии» и *ФМ*. Теперь в Японии можно читать на японском языке почти все труды Бахтина, кроме *ФП*.

А теперь рассмотрим процесс восприятия Бахтина в Японии более обстоятельно.

* *Ямагути Масао*. Фольклор шутков. Токио: Синтёся, 1975. (Все упоминаемые работы, кроме работы В. В. Иванова, написаны на японском языке — *Прим. перев.*)

** Хаймато (*Heimat*). № 5. Токио, 1975.

Прежде всего, опишем ситуацию после появления перевода *ПнД*. На первом этапе, с одной стороны, с энтузиазмом обсуждалась специалистами по Достоевскому эффективность концепций «полифонии» и «карнавала», а с другой стороны — не было создано примечательных работ, применивших эти концепции. Однако роль, которую этот перевод сыграл в изменении литературоведения, была немалой. Как говорит Арая в послесловии, этот перевод декларировал несостоятельность «не только критики, развитой тем мышлением, свойственным «Ich-Roman», которое относит искусство к реальной жизни непосредственно, но и того метода, который только критикует идеологию героев и даже принимает ее за идею автора».

Прочитав этот перевод, критик Унами Акира говорит так: «Такой способ мышления, как эгоцентризм, окончательно зашел в тупик, и идейные круги в других странах испытывают всякие средства для того, чтобы найти иной метод. <...> Мы должны искать такой метод критики, который не сводит литературу к человеку или социальной идеологии. Примером такого метода служит работа *ПнД* Бахтина. Эта книга о Достоевском принципиально отличается от многих других работ отсутствием Достоевского как “человека”»*.

Короче говоря, *ПнД* представляли интерес в качестве критики глубоко укоренившихся направлений как в исследовании русской литературы, так и в литературоведении вообще: с одной стороны, субъективные импрессионистские изучение и критика в соответствии со способом мышления, свойственным «Ich-Roman», а с другой стороны — догматическая социальная критика. А в это время теория карнавала также привлекла к себе интерес, но на первом этапе не нашла удачного применения. Словом, многие ученые и критики оценивали эту книгу прежде всего как нечто, похожее на работы русского формализма.

В связи с этим нужно отметить, что в 1971 году не только вышло в свет три разных перевода по русскому формализму, но и был опубликован перевод «Теории прозы» Шкловского. С другой стороны, не были получены точные сведения о Бахтине, и его не четко отличали от формалистов. Арая, например, пишет: «Эта книга является последним плодом так называемых формалистических направлений», и Ямагути тоже пишет: «Историк литературы Михаил Бахтин является одним из выживших русских формалистов». К сожалению, еще остаются те, кто считает

---

* Унами Акира. Новая задача критики // Син-нихон бунгаку (Новая японская литература). 1969. № 9. С. 119, 120.

Бахтина формалистом и не хочет знать о многосторонности и сложности Бахтина.

Однако не все читали *ПнД* как произведение формалиста. Действительно, сам Арая первым подчеркнул диалогизм Бахтина в своей статье (1974) так:

«Основные мотивы, являющиеся ядром мыслей, высказанных Бахтиным в *ПнД*, — это, во-первых, охват человека на основе диалогизма, во-вторых, функциональное понимание его словесных выражений, более того, понимание их в диалогических отношениях, так как только через словесные выражения мы понимаем дух человека» *.

Здесь, Арая, основываясь на статье семиотика В. В. Иванова **, говорит как об отношениях Бахтина и формализма, так и об особенностях бахтинской речевой теории. Но наиболее замечательной чертой статьи Араи является его намерение отнести Бахтина к другим русским диалогическим мыслителям.

«Бахтину удалось охватить “идею” Достоевского структурным пониманием словесных выражений, основанным на диалогизме. Его успех, так же как успех Бердяева и [символиста] Иванова, зависел от того антирационализма Достоевского, который стремится изображать человека как движение духа, никогда не объединяющегося с самим человеком. Без этого антирационализма Достоевского Бахтин не мог бы открыть средства, спасающие “человека” от идеализации отвлеченных интеллектуальных начал» ***.

Эти взгляды на Бахтина не принимаются в Японии широко. Кстати, что касается разницы между Бахтиным и формалистами, ее ясно определил Кувано, который подчеркнул, что Бахтин не только лучше всех понял особенности формалистов, но и подверг их существеннейшей критике ****.

Перейдем к карнавальной теории. Она начала привлекать внимание многих людей с появлением замечательного перевода на японский язык *T* в 1973 году. Бахтинские теории «карнавала», «смеха», «шута», «народной культуры» успешно применяются

* *Арая Кэйдзабуро*. Бахтин и Достоевский // Юриика (Эврика). 1974. № 6. С. 187.

** *Иванов В. В.* Значение идей М. М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. Вып. 6. С. 6—44.

*** *Арая Кэйдзабуро*. Указ. соч. С. 195.

**** *Кувано Такаси*. За формализмом // Бунгаку (Литература). 1979. № 9. С. 63—73.

в фольклористике, антропологии, литературной теории и практике, в историографии. Это применение, сочетаясь с теориями других исследователей о смехе, шуте и др., открыли новые горизонты в исследованиях истории культуры и духа. Ямагути первым сочетал динамический бинаризм бахтинской теории карнавала со своей теорией, основанной на оппозиции «центра» и «периферии», и достиг интересных результатов как в антропологии, так и в искусствоведении, литературоведении, истории культуры.

Под сильным влиянием Ямагути знаменитый писатель Оэ Кэндзабуро также высоко оценил бахтинскую теорию карнавала, в особенности теорию гротеска, и применил ее не только при создании собственных романов, но и к анализу романов различных писателей в своих книгах по теории романа*.

Из писателей, оценивающих бахтинскую теорию карнавала, нужно отметить и Маруя Сайити. Он применил бахтинскую теорию «развенчания», «маски» и др. к декодировке «Тюсингура» («Сокровищница преданных вассалов») — одного из знаменитых спектаклей Кабуки (вида традиционного театра)**.

В качестве примеров применения бахтинской теории карнавала нельзя не обратить внимания на статью Кубо Сатору. Здесь отличительные черты бахтинской теории карнавала не только отчетливо разъяснены, но и сопоставлены с философией истории и теорией об искусстве В. Бенямина. Более того, идеи Бахтина и Бенямина убедительно сопряжены с русским авангардизмом***.

В качестве условий такого большого внимания к бахтинской теории карнавала мы не должны игнорировать также и то, что в 70-е годы в Японии существовал повышенный интерес к Средневековью как Европы, так и Японии, и это вело к бахтинской теории народной культуры как явлению Средневековья.

Вообще говоря, увлечение «карнавалом» окончилось в начале 80-х годов, хотя специалисты по английской и американской литературе заменили антропологов и историков, и их переводы познакомили с английскими и американскими трудами, использующими бахтинскую теорию карнавала.

* *Оэ Кэндзабуро*. 1) Метод романа. Токио: Иванами, 1978; 2) За новую литературу. Токио: Иванами, 1988.

** *Маруя Сайити*. Что такое «Тюсингура»? Токио: Коданся, 1984.

*** *Кубо Сатору*. Идея на площади: Бахтин и русский авангардизм // Гэйдзюцу курабу (Кружок искусства). 1974. № 3. С. 129—139.

Нам надо отметить также то, что труды Бахтина имеют много общего с трудами Хиросуэ Тамоцу, специалиста по японской литературе периода Эдо (1603—1868). Не зная Бахтина, Хиросуэ пользуется похожими на бахтинские воззрения о гротеске, народной культуре, диалогическом творчестве и др. концепциями при рассмотрении Акубасё (злое место — доставляющий удовольствие уголок в период Эдо), Рэнку (цикл стихов). Дзёрури (вид представлений театра марионеток)*. По-нашему мнению, это сходство не случайно. Оно исходит из общей критики односторонней «модернизации» культуры.

Третий аспект восприятия бахтинских идей в Японии касается бахтинской теории высказывания и знака. Этой стороной интересуется сравнительно немного специалистов. Кувано, который перевел *МФЯ*, активно стремился довести эту бахтинскую теорию до японских читателей и подчеркивал ее значение для сегодняшней лингвистики и семиотики. Первая книга Кувано об истории речевых теорий, поэтики и семиотики в России включает главу «Критика Бахтиным лингвистики»**.

В связи с этим интересно то, что в Японии опубликовано два разных перевода *МФЯ*. Переводчик Китаока не только изменил заглавие («Семиотика языка и культуры»), но и не перевел предисловие. Кроме того, Китаока перевел «социологический» как «социальный (или культурный)», «материализм» как «философию знаков» и т. д. Короче говоря, он попытался стереть марксистскую окраску с этой книги и сделать ее «нейтральной» классикой семиотики. А Кувано перевел заглавие на японский язык буквально и признал значение бахтинской социальной семиотики, отличной от сегодняшних направлений семиотики.

Таковы важные события в Японии 70-х и начала 80-х годов, касающиеся Бахтина.

После этого также появляется немало работ, посвященных изучению Бахтина или касающихся Бахтина. В 1990 году вышел в свет специальный выпуск философского журнала Бахтина***. Он включает девять оригинальных статей, четыре перевода работ о Бахтине и диалог о Бахтине. Из них прежде всего

---

* *Хиросуэ Тамоцу*. Басе и Сайкаку, Токио: Мирайся, 1963; Басе. Токио: ННК, 1967; Возможность до-нового времени. Токио: Мирайся, 1970; Способ мышления в Акубасё, Токио: Сансэйдо, 1970.

** *Кувано Такаси*. Краткая история речевых теорий в России: от Бодуэна де Куртенэ к русскому формализму. Токио: Санъити, 1979.

*** Гэндай сисо (Современная мысль). Токио. 1990. № 2.

надо отметить статью Фудзи, которая рассматривает возможность применения бахтинских теорий о менипповой сатире и полифонии к японской литературе и культуре *. Фудзи указывает на то, что желательное одновременное изучение романа и фольклора, хотя это в Японии очень трудно сделать из-за академических традиций. Статья Кувано посвящена выяснению значения бахтинской теории высказывания для сегодняшних речевых теорий, сравнивая ее с «Курсом общей лингвистики» Соссюра и статьями Сталина о языке **.

В Японии книгу о Бахтине написал пока только Кувано. Уже в вышеупомянутой книге об истории речевых теорий, поэтики и семиотики в России он рассматривал теорию Бахтина о высказывании. В своей второй книге «Семиотика народной культуры» Кувано подчеркнул значение мысли Бахтина о «смехе на площади» для изучения народной культуры России ***. В то же время в этой книге подчеркивается, что семиотика Богатырева и Бахтина разъяснила динамизм и богатство воображения в народной культуре, т. е. оценивается, что семиотика обоих новаторов подвергла критике узость и односторонность взглядов людей нашего времени на культуру.

Книгу «Бахтин: “диалог” и “освобождающий смех”» Кувано написал с целью пересмотра Бахтина в целом ****. Эта книга пересматривает отличительные черты Бахтина, особенно ключевые концепции, такие, как «знак», «диалог», «роман», «народный смех», «карнавал» и др. Здесь не только подчеркнут динамизм бахтинской семиотики, рассматривающей знаки в процессе становления между субъектами в социальной атмосфере, но и обращено внимание на освобождающую силу народного смеха в свете Бахтина. По Кувано, сочетание семиотики становления с освобождающим смехом — это и есть бахтинский диалогизм.

Кроме того, Кувано делает особое ударение на том, что демократичный бахтинский диалогизм может быть образцом движения за «народную» культуру, не данную извне как готовая, а создаваемую самим «народом» диалогически. В связи с этим Кувано

* *Фудзи Садакадзу*. Бахтин и японская литература, японская литература и Бахтин // Там же. С. 90—100.

** *Кувано Такаси*. Живое «слово» и мертвый «язык»: Бахтин и сталинизм // Там же. С. 76—89.

*** *Кувано Такаси*. Семиотика народной культуры: наследство новатора Богатырева. Токио: Университет Токай, 1981.

**** *Кувано Такаси*. Бахтин: «диалог» и «освобождающий смех». Токио: Иванами, 1987.

написал статью под заглавием «Не “развенчание”, а “без короны”!», где он сделал вывод, что существеннейшей из бахтинских концепций является не «карнавал» или «диалог», а «демократичность», и Бахтин предложил образец устранения авторитарных отношений как между господствующими слоями и народом, так и внутри народа*.

Кроме работ Кувано, конечно, есть еще интересные статьи о Бахтине. Немало и работ, касающихся Бахтина опосредованно или попутно. Такие критики, как Каратани Кодзин**, Татикава Кэндзи*** и др. интересуются бахтинской теорией высказывания и часто упоминают Бахтина в своих работах.

Одним из заметных феноменов в последнее время является внимание к раннему Бахтину. А некоторые люди, особенно ревнители «карнавала», недовольны разницей между ранним Бахтиным и знакомым им Бахтиным, даже возмущаются и кричат: «Не может быть, чтобы такой веселый Бахтин написал эти трудные статьи!».

Что касается работ раннего Бахтина, нужно отметить статьи Игэты Садаёси и Сасаки Хироси. Статья Игэты рассматривает отношение Бахтина к Пумпянскому и символисту Иванову****. По мнению Игэты, в то время как и Бахтин и Пумпянский оценивали взгляды Иванова на Достоевского, они ставили целью не анализ мыслей Достоевского, а анализ композиции романов и разъяснение отношений автора и героев. Игэта показывает, что Бахтин унаследовал концепции «Ты еси» и «полифонии», и строит гипотезу, что работа «Автор и герой в эстетической деятельности» — была вариантом книги о Достоевском, запланированной в 1922 году. Сасаки тоже в основном рассматривает раннего Бахтина и старается объяснить развитие Бахтина от труда *ФП* до последнего труда через ключевую концепцию «голоса»*****.

В последнее время некоторые аспиранты также занимаются работами раннего Бахтина и уже написали интересные статьи. Например, Бамба Сатоси обсуждает проблему несостоятельности

* *Такаси Кувано*. Не «развенчание», а «без короны»! // Actes. Вып. 3. Токио, 1987. С. 54—63 (перепечатана в: *Кувано*. Незавершенная полифония. Токио: Мирайся, 1990).

** *Каратани Кодзин*. Исследования 1. Токио: Коданся, 1986.

*** *Татикава Кэндзи*. Сосюр: мыслитель «силы». Токио: Кадзэ-нобара, 1986.

**** *Игэты Садаёси*. Процесс становления теории полифоничного романа // Смешивающиеся языки. Токио: Мэйтёфукюкай, 1992. С. 81—91.

***** *Сасаки Хироси*. Проблема «голоса» Бахтина // Там же. С. 367—388.

истины, давая деконструктивный анализ «Кроткой» Достоевского при помощи Бахтина *. А Нонака Сусуму старается выяснить взаимоотношения между понятиями «другой» и «чужой» **. Конечно, и на научном конгрессе Японской ассоциации русистов делаются доклады о Бахтине.

Итак теперь Бахтин стал известен почти всем специалистам по русской культуре, точнее говоря, стал их общим наследством. В целом уровень бахтиноведения в Японии постоянно повышается. Можно надеяться, что скоро появятся как обстоятельные исследования, так и крупномасштабные труды.

1996

---

* *Бамба Сатоси*. Невозможный диалог: о «Кроткой» Достоевского // Тело и представление. Вып. 1. Общество изучения «Тела и представления» в Токийском университете. С. 51—62.

** *Нонака Сусуму*. «Другой» и «чужой» в работах Бахтина // Бюллетень Японской ассоциации русистов. Вып. 26. 1994.